

© 2002 г.

«ХРАМЫ» СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ В ЭПОХУ ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА

Целенаправленные археологические исследования древнейших неолитических памятников в различных районах Ближнего Востока проводятся начиная с 50-х, а особенно активно с 70-х годов XX в. К настоящему времени в Израиле, Иордании, Ливане, Сирии, Ираке и Турции охвачено раскопками более 450 поселений неолитического периода¹. Общей задачей этой воистину интернациональной работы является фиксация материальных свидетельств процесса неолитизации; определение и изучение узловых моментов становления производящих форм хозяйства; реконструкция различных сфер жизни древнейших земледельцев региона. В рамках отмеченного проекта многие памятники Восточного Средиземноморья эпохи докерамического неолита получили широкую известность. Помимо прочего они продемонстрировали исключительные богатый, яркий материал, характеризующий ритуальную практику того времени. Самыми информативными в данном контексте являются поселения Иерихон, Хаджилар, Телль-Рамад, Ашиклы-Гуюк, Айн-Газаль, Бейда, Бейсамун и Чатал-Гуюк. Свидетельства монументального строительства в слоях докерамического неолита представлены архитектурными остатками Иерихона в Палестине, Рас-Шамры в Сирии, Бейды в Иордании, Телль-Магзалии в Северо-Восточном Ираке и др. В большинстве своем массивные сооружения возводились в качестве укреплений.

Вместе с тем, открытие в последние два десятилетия монументальных общественных зданий особого назначения и выдающихся скульптурных изображений периода докерамического неолита на поселениях Чейеню Тепеси и Невали Чори в Северной Месопотамии (территория современной Юго-Восточной Турции) явились настоящей сенсацией в области изучения столь раннего этапа формирования ближневосточной цивилизации. Результаты исследований этих памятников нашли свое отражение как в зарубежных, так и в некоторых отечественных публикациях².

Начатые недавно, в 1995 г., раскопки Гебекли-тепе представили новые интереснейшие артефакты монументального строительства и удивительного скульптурного мастерства эпохи докерамического неолита. Обнаруженные свидетельства значительно расширили наши знания о мировоззрении древнейших земледельцев региона, а также явились еще одним подтверждением функционирования специальных общественных построек религиозного назначения на ранненеолитических поселениях Северной Месопотамии.

Цель настоящей работы – сопоставить полученные на Гебекли-тепе данные с материалами Чейеню Тепеси и Невали Чори. Сравнительный анализ архитектурных остатков и сопутствующих им свидетельств позволяет в какой-то мере выявить общие

¹ Ozdogan M. Preface // *Neolithic in Turkey*. Istanbul, 1999. P. 10.

² См., например: Брейвуд Р., Чембел Х. У истоков производящего общества в Юго-Восточной Анатолии // *Наука и человечество*. М., 1984. С. 67–77; Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989; Антонова Е.В., Литвинский Б.А. К вопросу об истоках древней культуры Переднего Востока // *ВДИ*. 1998. № 1. С. 37–47.

и локальные особенности строительства общественных зданий специального назначения в столь раннюю эпоху на севере Двуречья, что в свою очередь предоставит возможность более полного понимания истоков формирования монументальной храмовой архитектуры древней Месопотамии.

Хотя Чейеню Тепеси и Невали Чори находятся на расстоянии 160 км друг от друга, а Невали Чори удалено от Гебекли-тепе на 70 км, эти памятники расположены в единой эколого-географической зоне – регионе Урфа – Диярбакыр. Кроме того, на основе изучения орудийного репертуара, используемых приемов и техники строительства, а также других свидетельств было определено хронологическое и культурное соответствие поселений. В частности, главные фазы их функционирования в докерамическую эпоху относят к VIII тыс. до н.э. (период EPPNB – Early Prepottery Neolithic B / ранний докерамический неолит Б)³.

Климатические и ландшафтные особенности северной «холмистой стороны» Плодородного полумесяца, т.е. региона Урфа – Диярбакыр, расположенного у подножия гор Тавра и окаймляемого Евфратом и Тигром, представляли естественную среду обитания не только для мезолитических охотников и собирателей, стоянки которых здесь известны, но также и для людей неолитического периода. Флора и фауна переходной зоны – на границе между девственными лесами и степями – в XIII–VIII тыс. до н.э. была представлена множеством видов диких растений и животных. Некоторые из них идеально подходили для аккультурации и domestikации. В рассматриваемом регионе среднегодовое количество осадков составляет 480 мм. Зимние дожди, приносящие 92% годовых осадков, создавали условия для развития здесь неполивного земледелия. Ключи и пруды на известняковых участках до сих пор являются важной характеристикой региона. Именно рядом с ними основывались первые долговременные поселения. Следующим преимуществом этой территории являлось изобилие источников материала, необходимого для изготовления орудий труда. В этом отношении следует отметить богатые ресурсы горной цепи Тавра, в том числе источники обсидиана, обнаруженные рядом с ущельями, и залежи кремня, располагающиеся в районе известняковых подножий горной гряды. Кроме того, далеко не последнюю роль в обмене сырьем, технологиями и идеями сыграли географические характеристики региона, расположенного на пересечении главных сиро-месопотамско-анатолийских торговых путей⁴.

Первым широко известным поселением докерамического неолита Юго-Восточной Анатолии стал Чейеню Тепеси, который до сих пор сохраняет статус ключевого памятника для изучения процесса неолитизации на территории Ближнего Востока. Чейеню находится в холмистых предгорьях Тавра на высоте 830 м над уровнем моря в одной из широких долин у подножия низкой известняковой гряды, на берегу небольшой непересыхающей речки – одного из притоков Тигра. Раскопки были начаты в 1964 г. под руководством Х. Чембел и Р. Брейвуда совместно Стамбульским и Чикагским университетами. С 1978 по 1988 г. в работах на Чейеню активное участие принимал проф. Ширмер, директор германского Института истории строительства при университете в Карлсруэ вместе со своими сотрудниками и студентами. В 1990 г. к экспедиции присоединились ученые из Римского университета «La Sapienza». Всего, таким образом, было проведено 16 полевых сезонов в период 1964 – 1991 гг.⁵

Чейеню Тепеси представляет собой холм площадью около трех гектаров с высотой на разных участках от 4,5 до 6 м. Раннеземледельческие этапы существования телля относятся к периодам PPNA и PPNB, затрагивая начало PPNC. Приблизительно 22% общей площади поселения этой эпохи исследовано. Территория поселка имела размеры 100 × 200 м. В настоящий момент археологи выделяют четыре основных

³ Schmidt K. Frühneolithische Tempel // MDOG. 1998. 130. S. 22–23; Ozdogan M. Preface. P. 11; Hauptmann H. The Urfa Region // Neolithic in Turkey. Istanbul, 1999. P. 65, 70.

⁴ Hauptmann. The Urfa Region. P. 66–68.

⁵ Брейвуд, Чембел. Ук. соч. С. 68–72; Ozdogan A. Cayonu // Neolithic in Turkey. Istanbul, 1999. P. 35–36.

стадии развития раннеолитического поселения, которые в свою очередь на основании изменения планов строений и их фундаментов делят на шесть субфаз. Несмотря на то что базовые планы построек из разных слоев весьма несхожи друг с другом, отмечено последовательное развитие приемов и техники строительства, которые, очевидно, эволюционировали в рамках единой архитектурной традиции начиная со времени появления первых построек⁶.

В основании холма обнаружены остатки овальных в плане домов (Round Building). Их стены опирались на каменный фундамент, вкопанный в землю, и были сделаны из обмазанного глиной плетня. Углубленный по отношению к уровню почвы пол покрывался штукатуркой. В одном из раскопанных помещений он был красного цвета. Группы хижин древнейшего поселения располагались вокруг открытых пространств.

Ранние прямоугольные постройки, названные «решетчатыми» (Grill Building) за форму плана их наземного фундамента, постепенно сменяют круглоплановые жилища. Размеры домов в среднем составляли 10 × 3,5 м. Фундамент делался из грубо обтесанных камней, которые были уложены в несколько параллельных рядов с пустотами, оставленными между ними. Жилые полы, возводившиеся на каменных основаниях, были, таким образом, приподняты над землей. Стены и полы помещений тщательно обмазывались глиной и гипсом. Среди «решетчатых» построек также обнаружен дом, пол которого выделяется красным цветом. В отличие от предыдущих строений, внутреннее пространство рассматриваемых зданий делилось на несколько секций, в одной из которых помещали очаг. Как правило, остатки «решетчатых» домов фиксируют 5–6 последовательных перестроек, не придерживающихся единой ориентации. Со временем техника и планировка таких зданий заметно совершенствовались⁷.

На поздней стадии существования «решетчатых» построек их основания трансформируются в фундаменты с планировкой в виде каналов. Такие строения стали известны под названием «домов с каналами» (Channelled Building). Открытым дворам уже в этот период отводилась особая роль в жизни поселения. В частности, западный сектор представлял собой производственный участок с многочисленными мастерскими, построенными из прочных материалов. Каждая мастерская специализировалась на определенном виде продукции.

В восточной части поселения огромное открытое пространство (приблизительно 1000 м²), свободное от жилых строений, судя по всему, служило общественным целям. На этой территории в земле было выкопано около 46 очажных ям различных размеров. Единственными постройками, расположенными с юго-восточной стороны от площади, являлись сооружения, сильно отличавшиеся от ординарных, – «Здание с плитами» и «Дом черепов». Еще одно большое строение (18 × 6,5 м), разрушенное во время возведения на его месте более позднего «Здания с мозаичным полом», возможно, также относилось к сооружениям особого назначения раннего периода.

Исследователи памятника указывают на воспроизведение некоторых древнейших строительных традиций в облике «особых» зданий Чейенно. Их полы не были приподняты с помощью фундаментов над поверхностью земли, как это делалось уже долгое время при строительстве жилищ «решетчатого» плана и «домов с каналами», а специально углублялись в почву. Кроме того, «Здание с плитами» в плане представляло прямоугольник с закругленными углами, а «Дом черепов» оставался овальным в течение по крайней мере трех его перестроек⁸. Выше было отмечено, что дома нижнего уровня Чейенно Тепеси представляли полуподземные конструкции и имели овальную планировку. Таким образом, есть основания полагать, что прототипом первых общественных построек на Чейенно стали древние жилища.

⁶ Ozdogan A. Cayonu. P. 41–42.

⁷ Ibid. P. 42–45.

⁸ Ibid. P. 46.

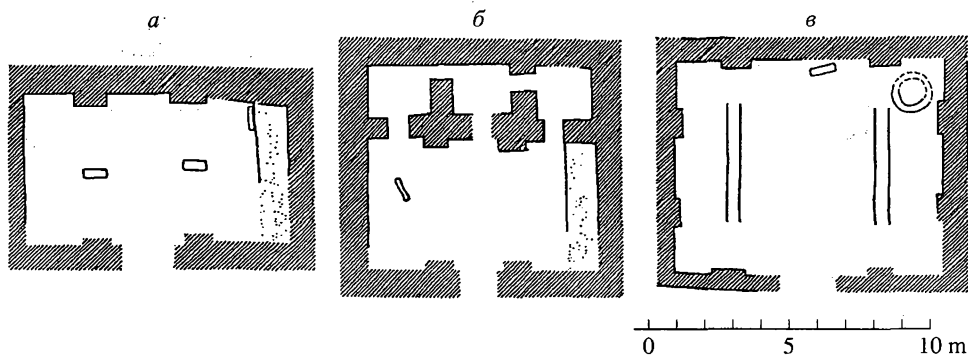

Рис. 1 а–в. а – Чейёню Тепеси. План «Здания с плитами»; б – Чейёню Тепеси. План «Дома черепов»; в – Чейёню Тепеси. План «Здания с мозаичным полом» (по: Hauptmann H. Ein Kultgebäude in Nevalı Cori // Between the Rivers and Over the Mountains. Roma, 1993. P. 67. Add. 28)

Первое из названных строений – «Здание с плитами» (рис. 1 а), располагалось на краю поселения, «в нескольких шагах» севернее от ручья, и на момент раскопок в результате эрозии южная его часть оказалась полностью разрушена. Соответственно зафиксировать длину постройки не удалось. Ширина достигала приблизительно 10,7 м. «Здание с плитами», не имея внутренних перегородок, состояло из одного большого помещения. Брейвуд и Х. Чембел назвали этот тип планирования ширококомнатным⁹. Исследователи отмечают, что из сохранившихся северная, тыльная стена строения была существенно толще, чем боковые. Из нее выступали на 0,50 м две пилястры, которым соответствовали удаленные от них на расстояние приблизительно 2 м две каменные стелы, установленные в центральной части помещения. С внутренней стороны постройки к восточной стене примыкала мощная, из двух рядов камней сооруженная конструкция в виде скамьи. Перед скамьей в северо-восточном углу помещения обнаружена еще одна вертикально установленная крупная каменная плита. Несколько углубленный пол постройки был вымощен аккуратно подогнанными друг к другу большими плоскими известняковыми плитами, длина самых крупных достигала 1,70 м. Вход, судя по всему, находился на юге.

А. Оздоган, один из авторов раскопок, считает, что в этот период практиковался обычай намеренного разрушения зданий перед их ритуальным «захоронением». До совершения «погребальной» церемонии все вещи из постройки выносились, оставались лишь некоторые объекты в качестве специальных даров, затем строение рушили и засыпали чистой землей. Подобной процедуре, очевидно, подверглось и «Здание с плитами»¹⁰.

Нижние уровни овального «Дома черепов» оказались сильно поврежденными последующими его перестройками. Тем не менее, там, под земляным полом, были выявлены две ямы, содержавшие множественные остатки первичных и вторичных захоронений. Погребенные в большой яме, точное количество которых не называется, сопровождалась рогами и черепами зубров. Маленькая яма включала вторичные захоронения 15 человек. Кроме того, на полу помещения было обнаружено много человеческих костей, среди которых встречены бусы, кремневый нож и другие предметы.

Помимо совершения погребений в пределах «Дома черепов» в этот период на поселении широко применялась практика захоронения мертвых во дворах, под полами

⁹ Брейвуд, Чембел. Ук. соч. С. 74.

¹⁰ Ozdogan A. Cayonu. P. 47; Schirmer W. Drei Bauten des Cayonu Tepesi // Festschrift für Kurt Bittel. Mainz, 1983. S. 473–475. Add. 8–10.

и стенами жилых построек. Отдельные фрагменты черепа и челюсти человека были найдены также внутри некоторых мастерских¹¹. Данные свидетельства еще раз подтверждают важность сохранения прямых (осязаемых) связей между ушедшими и живущими поколениями для людей ранненеолитического времени. По определению Е.В. Антоновой и Б.А. Литвинского, «эта черта представлений оседлых земледельцев – следствие их постоянного пребывания на одном месте, которое утверждалось и "освящалось" через их отношения с жившими здесь и здесь же погребенными умершими и выделявшимися среди них предками...»¹².

Представляется закономерным также строительство специального «Дома мертвых» на определенной стадии развития Чейеню. Культ предков, получив архитектурное оформление, был теперь сконцентрирован в одном месте и являлся наглядным выражением идей сознания общинного единства жителями поселка.

На следующем этапе развития Чейеню Тепеси фиксируются важные инновации как в архитектуре, так и в структуре поселения. В строительстве жилых помещений последовательно сменяются стадии «зданий с полами из булыжников» (Cobble-Paved Building), «клеточных строений» (Cell Building) и «домов с большой комнатой» (Large Room Building). Постройки теперь располагаются вдоль террас, специально укрепленных массивными стенами от ливней и наводнений.

Особенностью западного района в это время является тенденция огораживать открытые пространства, которые, таким образом, превращались в закрытые дворы. На их территории обнаружены многочисленные фрагменты инструментов, части поломанных браслетов, а также кости домашних животных, оленей и коз. Предполагается, что эти места служили для разделки туш животных, изготовления костяных и каменных орудий, обработки малахита¹³.

В восточном секторе поселения значительная территория вышеотмеченного открытого участка была сначала покрыта неровными булыжниками и утрамбована. Позже большая ее часть послужила основанием для так называемой «Площади» («Plaza») размером 60 × 20 м, аккуратно вымощенной обожженными кирпичами. Красноватая поверхность обновлялась, по меньшей мере, трижды. На самом раннем уровне там были установлены два ряда стел и две большие плиты. Вертикально стоящие каменные объекты сильно различались по своим размерам и форме. Самая высокая стела достигала 2 м в высоту. Высота самой маленькой – около метра. Как сообщают авторы раскопок, по крайней мере на одной из них сохранились следы красной краски, другие также имеют признаки моделирования. Во время второй перестройки стелы преднамеренно сломали и похоронили вместе с плитами под следующим слоем обожженных кирпичей. Все эти обстоятельства указывают на то, что по своим функциям «Площадь», очевидно, являлась «открытым» эквивалентом «уникальных зданий»¹⁴.

Новый прямоугольный «Дом с черепами» был возведен на месте старого овального и примыкал к «Площади» (рис. 1б). Здание несколько раз перестраивалось с небольшими изменениями и функционировало в течение всей субфазы «домов с полами из булыжника». Внешние размеры конструкции – 9,7 м с запада на восток и минимум 8 м с севера на юг. Она состояла из двух главных секторов, представленных тремя соединенными комнатами на севере (в первом варианте их было четыре) и большим, покрытым известняковой обмазкой огороженным двором на юге, который сообщался тремя дверными проемами с указанными помещениями. Пол маленьких комнат аккуратно вымощен камнями и тщательно отшлифован. Во время перестроек сооружения две каменные стелы, а также фрагменты известняковой плиты из предшествовавшего овального здания оказались замурованными в различных частях прямоугольного

¹¹ Ozdogan A. Cayonu. P. 46–47.

¹² Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 45.

¹³ Ozdogan A. Cayonu. P. 48–50.

¹⁴ Ozdogan M., Ozdogan A. Cayonu. A Conspectus of Recent Work // *Paleorient*. 1990. 15/1. P. 74; Ozdogan A. Cayonu. P. 50.

«Дома черепов»¹⁵. Внутренняя поверхность стен этого сооружения сохранила следы расписной штукатурки¹⁶. Одна из огораживающих двор стен была украшена черепом зубра с рогами. Вход в постройку находился на юге и оформлялся с двух сторон пилястрами. Рядом с западной стеной во дворе обнаружена отполированная каменная плита («altar») размером 2,60 × 1,65 м. Символическое и культовое назначение этой плиты, по мнению Х. Чембел, подтверждает тот факт, что розоватый камень, из которого она сделана, не встречается в окрестностях Чейеню. Более того, в результате проведенных лабораторных исследований на данной плите выявлены следы человеческой крови и крови животных¹⁷.

Здесь же был обнаружен еще один уникальный объект – древнейший глиняный сосуд в слоях рассматриваемого памятника. Раскрашенная красной охрой тарелка с невысоким краем и круглым основанием лежала на полу перевернутой¹⁸. Вероятно, ее можно рассматривать как специально оставленный дар перед «погребением» здания.

В северных комнатах сооружения не было выявлено каких-либо предметов, кроме фрагментов многочисленных человеческих захоронений. В целом в этом здании обнаружены останки не менее 400 человек. В рассматриваемый период в пределах «Дома мертвых» все захоронения, кроме одного, являлись вторичными и не содержали черепов. Тела мертвых помещали в ямы и специально приготовленные склепы. Однако покой могил постоянно нарушался. Более древние останки выносились из здания, а на их место помещали новые. В погребениях найдены клыки вепря, каменные бусины и другие объекты. Единственное первичное захоронение обнаружено под вымосткой в западной комнате.

В развалинах самого позднего строительного уровня «Дома мертвых» были собраны фрагменты 49 черепов. Большинство из них находилось в восточной комнате вместе с костями различных животных. Все черепа, первоначально выставившиеся на возвышениях, обнаружены в раздавленном состоянии на полу под слоем обломков стен здания. Помимо этого на территории, примыкающей к «Дому мертвых», выявлены ямы, наполненные человеческими костями, и единичные захоронения. Среди погребенных на данном участке было много детей и подростков¹⁹. Подводя итог вышесказанному, отметим, что применявшаяся практика проведения различных обрядов захоронения наглядно свидетельствует о дифференцированном подходе к «статусу» погребаемых. Такое положение в свою очередь указывает на существование определенных социальных групп, при формировании и функционировании которых, вероятно, особо учитывался возрастной критерий.

В течение субфазы «построек с полами из булыжников» захоронения в жилых кварталах не осуществлялись, по крайней мере мы можем утверждать, что они не были типичны. Поэтому в указанный период «Дом черепов» / «Дом мертвых» играл исключительно важную роль в социальной жизни поселения, и прежде всего как место «обитания» умерших общинников. Разделение внутреннего пространства комплекса на отдельные, различающиеся своими размерами и оформлением помещения, наличие «алтаря» в границах сооружения, череп зубра с рогами и следы росписи на стенах и, наконец, явные свидетельства повторных действий, осуществлявшихся с останками умерших, дают основания предполагать более широкое культовое назначение здания, а именно осуществление здесь жителями поселка определенных церемоний и ритуалов, связанных с представлениями о смерти и, судя по всему, направленных на сохранение связей коллектива живущих родственников с умершими предками. Такие взаимоотношения способствовали единению человеческого коллектива и устойчивости его существования в мире.

¹⁵ Ozdogan A. Cayonu. P. 50.

¹⁶ Брейвуд, Чембел. Ук. соч. С. 74; Schirmer. Op. cit. S. 469. Add. 1, 5–7, 11b.

¹⁷ Cambel H. Cayonu // Anatolian Studies. 1985. V. 35. P. 187; Cauvin J. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. P., 1994. P. 120.

¹⁸ Mellink M.J. Archaeology in Anatolia // AJA. 1990. 94/1. P. 127; Ozdogan A. Cayonu. P. 50.

¹⁹ Ozdogan A. Cayonu. P. 51.

Авторы раскопок отмечают, что в круг представлений о смерти на Чейеню был, очевидно, включен «культ быка» («bull cult»), о чем свидетельствуют обнаруженные в «Доме мертвых» артефакты почитания зубра²⁰. Традиция размещения рогатых черепов или отдельно рогов крупных рогатых животных в особых постройках на поселениях докерамического неолита, помимо Чейеню, была зафиксирована в Телль-Асваде, Мурейбите, Телль-Халуле, Халлан Чеми (Северная Месопотамия)²¹, Загхе и Гандж Даре (Северо-Западный Иран)²², а также в широко известных более поздних «святылицах» Чатал-Гуока (Центральная Анатолия).

Финальный уровень существования постройки несет следы намеренного разрушения и пожара. Мощным слоем камней были завалены остатки здания. Исследователи памятника сообщают, что после совершения подобным образом церемонии «захоронения» самого «Дома мертвых» фундаменты «клеточных» построек стали использоваться жителями поселения в качестве погребальных помещений, а на краю площади возникло новое неординарное строение²³.

«Здание с мозаичным полом» (рис. 16) – еще одно монументальное ширококомнатное сооружение Чейеню Тепеси (внешние размеры 11,75 × 9 м). Оно, очевидно, два-три раза перестраивалось, сохраняя при этом основные свои параметры. С трех сторон стены сооружения имели ширину от 0,80 до 1,20 м. Однако юго-восточная, открытая к ручью длинная стена была заметно тоньше и имела ширину около 0,40 м. В ней находился вход. Все четыре стены данной постройки с внутренней стороны содержали по две пилястры. Ширина выступов составляла 1 м, глубина – 0,25 м. В связи с этим проф. Ширмер авторитетно заключает, что пилястры не являлись конструктивными по своим функциям, а имели «образный характер».

Кроме того, трудоемкое декоративное оформление пола показывает, что создатели придавали ему важное символическое значение. Пол представлял собой красно-оранжево-белую мозаику, сделанную из мелких камней, скрепленных гипсом. Два ряда каменной кладки находились в основании мозаики. Внизу лежали белые известковые плиты, тщательно подогнанные друг к другу, предварительно оббитые и скрепленные гипсовым раствором. Верхний слой был выложен мелкой цветной галькой на гипсовом растворе. Центр помещения пересекали две пары параллельных полос из белой гальки. Каждая полоса имела 5 см ширины и более 4 м длины. Белые линии как будто соединяли пилястры противоположных длинных стен постройки. В то же время протяженность линий точно совпадает с внешними сторонами пилястровых выступов коротких стен постройки. После того как цементирующий раствор мозаики затвердел, поверхность пола была залощена.

В северо-восточном углу здания выявлена прочная округлая конструкция (внешний диаметр приблизительно 1,25 м), представлявшая большую хорошо обработанную выемку в террасе. Ее кайма сделана из светлого известнякового материала, а поверхность внутренней части была окрашена в темный цвет. Данная конструкция, по мнению исследователей, могла служить очагом или печью. Севернее и несколько глубже обнаружены следы канала, сохранившего каменное покрытие, который, вероятно, принадлежал раннему варианту строения. В. Ширмер сообщает также о глиняной скамье, остатки которой зафиксированы с внутренней стороны перед северной стеной сооружения.

²⁰ Ibid.

²¹ Akkermans P.M.M.G. The Neolithic of the Balikh Valley, Northern Syria: a First Assessment // *Paleorient*. 1989. 15/1. P. 123; Loon M. van. The Oriental Institute Excavations at Mureibit, Syria: Preliminary Report on the 1965 Campaign // *JNES*. 1968. 27/4. P. 275; Molist M. Le Néolithique du IXème et VIIIème millenaire BP du Nord de la Syrie: Apports du site de Tell Halula (vallée de L'Euphrate, Syrie) // *Les Annales Archéologiques Arabes Syriennes*. Damascus, 1999. V. XLIII. P. 74; Rosenberg M. Hallan Cemi Tepesi: Some Further Observations Concerning Stratigraphy and Material Culture // *Anatolica*. 1994. 20. P. 121–140. Fig. 10.

²² Mellaart J. Western Asia during the Neolithic and Chalcolithic (about 12,000–5,000 Years Ago) // *History of Humanity*. V. I: Prehistory and the Beginnings of Civilization. L. – N.Y., 1994. P. 433.

²³ Ozdogan A. Cayonu. P. 52.

Неожиданными находками в «Здании с мозаичным полом» явились большая известняковая глыба, скульптурно обработанная в виде головы антропоморфного существа, а также каменная плита (сохранившаяся длина – 70 см) с рельефным, схематично исполненным изображением человеческого лица («размером с тарелку») на одной из ее узких сторон. Объекты обнаружены в переотложенном состоянии в северо-западном углу помещения²⁴. Долгое время они считались уникальными. Однако впоследствии подобные скульптурные произведения были в большом количестве встречены в других раннеолитических памятниках Северной Месопотамии – в Невали Чори и на Гебекли-тепе.

Для последней стадии функционирования Чейеню Тепеси в период PPNB отмечается общий упадок в жизни поселения, регулярная структура планировки которого нарушается. «Площадь» теряет свое значение и постепенно начинает застраиваться. В это же время прекращают свое существование здания специального назначения.

Суммируя наши сведения об особых постройках Чейеню Тепеси, в первую очередь отметим, что вышеописанные особенности их конструкции, оформления и сопутствующих материалов с несомненностью указывают на определенное различие узко-специального назначения данных строений, которые функционировали в различные периоды в восточной части поселения. Вместе с тем можно выделить существенные общие черты данных сооружений, отличающие их от остальных построек, исследованных на памятнике (рис. 1 а – в). В частности такими характеристиками являются наземное расположение стен неординарных строений (без фундамента) и ширококомнатный план их помещений. Широкий двор (или зал) «Дома мертвых» при наличии в северной части данной конструкции маленьких комнат проявляет определенное в этом отношении единство с остальными выдающимися сооружениями. Перед возведением наиболее древних из этих построек со стороны склона выкапывались котлованы, служившие им основанием. Особое внимание строители уделяли своеобразной отделке полов неординарных строений. Существование широкой каменной скамьи, прилегающей к северной или восточной стене, зафиксировано археологами для каждого здания. На длинных или на всех четырех стенах в этих постройках находились парные пилястры, имевшие символическое значение, возможно, совпадающее со значением стел, обнаруженных в «Здании с плитами» и в еще большем количестве – на «Площади». По мнению В. Ширмера, «роскошь» данных сооружений, большие затраты, которые потребовались для их строительства, определенно указывают на то, что они имели высокий статус, функционируя, вероятно, в качестве репрезентативных и/или культовых зданий.

На первый взгляд кажется непонятным, почему «уникальные общественные строения» располагались на самом краю поселения, на откосе, спускающемся к ручью. Фасады всех реконструированных выдающихся построек широкой стороной, своим входом открываются на юг, т.е. к ручью, в противоположную сторону от поселения. В то же время северная, тыльная стена «Здания с плитами» была заметно массивнее, чем остальные. Соответственно у здания «Террасо» в два-три раза тоньше других оказалась южная стена. А в случае с прямоугольным «Домом черепов», именно с северной стороны от широкого огражденного двора/зала располагались внутренние помещения, дополнительно укрепляя и без того самую массивную в этом строении стену. Очевидно, здесь мы наблюдаем ритуальное укрепление границы между освоенным людьми миром и чужим, непонятным и населенным сверхъестественными силами пространством, сопровождающееся ориентацией ритуальных зданий фасадом вовне, «лицом» в этот мир.

В общем странное расположение, ориентировка и другие названные выше архитектурные приемы семантически выделяли территорию, занимаемую рассмотрен-

²⁴ Schirmer. Op. cit. S. 464–469. Add. 1–4, 11a; Брейвуд, Чембел. Ук. соч. С. 74–75; Braidwood R.J. The Origin and Growth of a Research Focus – Agricultural Beginnings // Expeditions. Philadelphia, 1986. 28/2. P. 5; Бадер. Ук. соч. С. 221; Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 43 и др.

ными строениями из поселенческой среды, формируя, таким образом, особый участок, на котором функционировали значимые для всей общины сооружения.

По многим причинам поселение Неваля Чори называют двойником Чейеню Тепеси. Раскопки этого памятника, проводившиеся в 1983, 1985–1987 и 1989–1991 гг. совместной немецко-турецкой археологической экспедицией, дали новую информацию о неординарных строениях докерамического неолита. В 1992 г. Неваля Чори было затоплено при сооружении плотины имени Ататюрка.

Поселение находилось в трех километрах южнее Евфрата, располагаясь на террасе – площадке размером 90 × 40 м, под вершиной известняковой горы, на высоте 490 м над уровнем моря. Остатки жизнедеятельности поселения периода PPNB образовали здесь двухметровый культурный слой, в котором археологами было выделено пять уровней²⁵. Из них наиболее полно исследован третий.

Характерный тип жилого дома Неваля Чори – прямоугольная наземная постройка с несколькими помещениями, расположенными над каменным фундаментом. Подпольное пространство в основании домов делилось перегородками на поперечные каналы. При анализе строительных остатков памятника неоднократно отмечалось, что указанный тип построек относится к тому же виду, что и дома, встреченные в Чейеню Тепеси²⁶. Под полами многих жилых строений в Неваля Чори были обнаружены захоронения, в том числе множественные²⁷.

Раскопки третьего слоя представили выразительные свидетельства определенным образом организованной структуры поселения. Длинные прямоугольные дома, расположенные двумя рядами в основной части поселка, своей узкой стороной, с которой находился вход, смотрели на юго-запад – в направлении долины. На открытых пространствах между ними были выявлены очажные сооружения и другие хозяйственные приспособления. Подобно известной строительной традиции в Чейеню, при возведении нового дома основа предыдущего, как правило, опять использовалась после его разрушения или сноса. Ориентация построек (северо–северо-запад – юго–юго-восток) сохранялась на протяжении долгого времени.

Реконструкция остатков строений и сопутствующие им находки позволили сделать вывод о различном функциональном назначении помещений. В частности, авторами раскопок были идентифицированы, помимо жилых домов, хранилища и помещения, где делали кремневые орудия и изготавливали скульптуры²⁸.

Совсем иначе выглядела западная окраина поселка, сухим протоком отделенная от основной территории. На краю откоса выявлены выразительные остатки трех последовательно функционировавших, специфически оформленных монументальных сооружений, приемы строительства которых, планировка и интерьер во многом соотносимы с подобными характеристиками общественных зданий Чейеню. С северо-востока к постройкам примыкала массивная стена. Не выполняя никакого практического назначения, она, судя по всему, играла важную роль условной защиты сакрального участка и выделения его из общего поселенческого пространства (рис. 2).

По оценке исследователей памятника, древнейшее из указанных монументальных сооружений появилось одновременно с основанием поселения (слой 5). Последующие строения II и III, очевидно, относятся к 4-му и 3-му слою²⁹.

Перед сооружением старейшего строения I со стороны долины был выкопан котлован около 3 м глубины. На такой заранее спланированной и подготовленной площадке возведено здание. Тыльной стороной оно повернуто к склону, а со стороны долины было открыто. Автор раскопок отмечает, что его вид резко контрастировал

²⁵ Hauptmann. The Urfa Region. P. 70.

²⁶ Aurenche O. L'architecture de l'Anatolie du Sud-Est au néolithique aceramique // *Anatolica*. 1988. P. 9; Hauptmann H. Ein Kultgebäude in Nevali Cori // *Between the Rivers and Over the Mountains*. P. 39; Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 42.

²⁷ Hauptmann. The Urfa Region. P. 70–73.

²⁸ Hauptmann. Ein Kultgebäude... S. 39; *idem*. The Urfa region. P. 70.

²⁹ *Idem*. Ein Kultgebäude... S. 55.

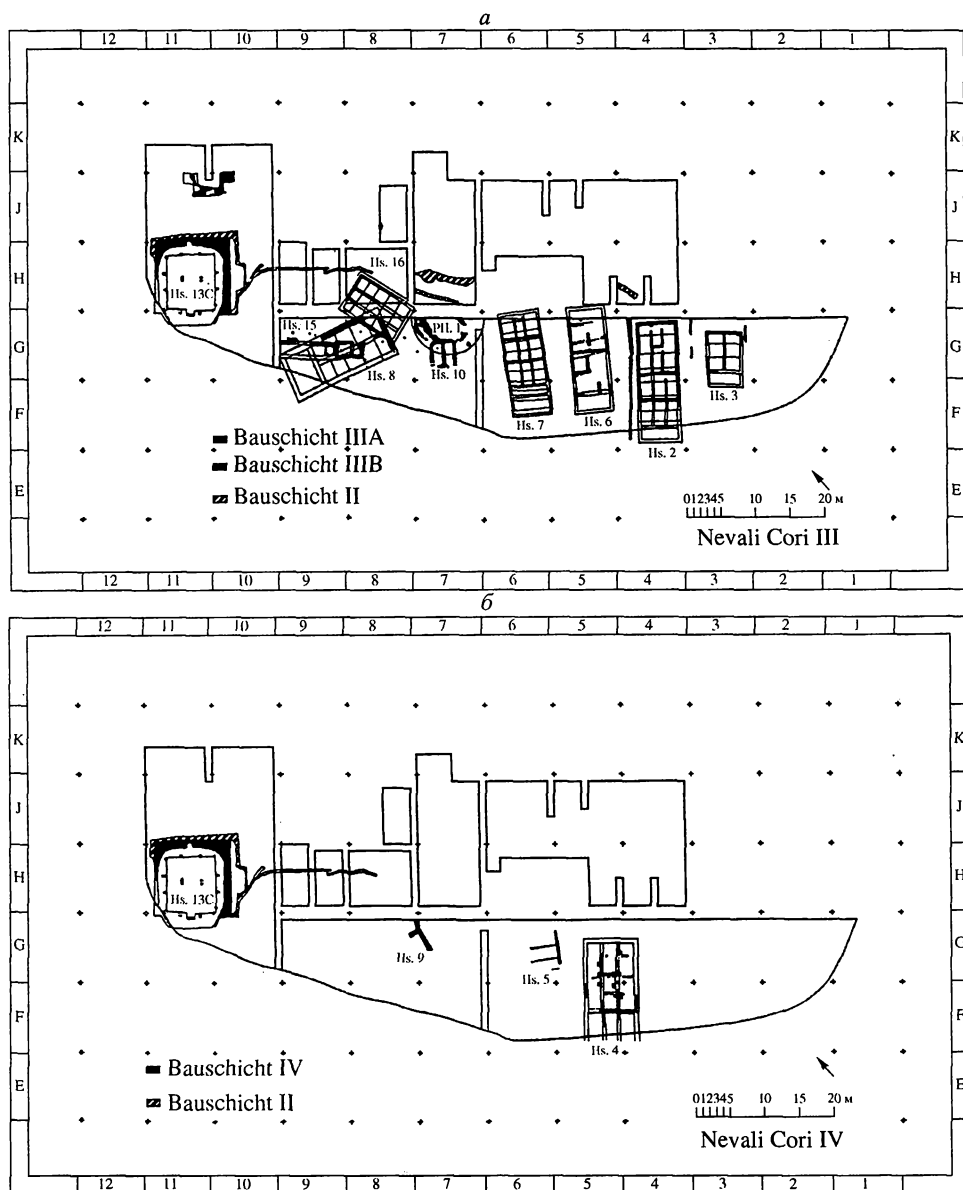

Рис. 2 а, б. Невали Чори. План поселения. Строительный горизонт III и IV (по: Neolithic in Turkey. Plates. Istanbul, 1999. P. 40. Fig. 3, 4)

с видом свободно расположенных стоящих рядами прямоугольных построек поселения, откуда оно производило впечатление скрытого, почти пещерного здания, в то время как со стороны долины оно должно было выглядеть величественно³⁰.

От строения I уцелела только часть юго-восточной стены. Обломки каменных стел и скульптур из этого здания были использованы при возведении более поздних сооружений.

³⁰ Ibid. S. 41–42.

Строение II сохранилось значительно лучше (рис. 3а). Почти квадратное здание (внешние размеры – $13,90 \times 13,50$ м), занимающее площадь около 188 м^2 , углами ориентировано по сторонам света. Окружавшая его стена сложена из бута и достигала 90 см ширины. Рядом с восточной частью этой стены выявлены канал и яма, которые на каком-то этапе существования постройки были засыпаны.

Внутри помещения с трех сторон перед стенами находилась высокая скамья шириной 1 м. Она была сооружена из бута и глины и покрыта большими каменными плитами. В эту скамью на расстоянии 2,30–2,40 м первоначально были вделаны основания 13 монолитных вертикально установленных скульптурных плит. В находящуюся напротив входа северо-восточную скамью было вмуровано пять из них, остальные располагались симметрично. Стелы в поперечном срезе прямоугольные ($0,50 \times 0,40$ м). От них сохранились главным образом нижние части. Однако найден фрагмент и верхней половины одной из этих плит, который выглядит Т-образно.

Ширина входа в постройку достигала 1,15 м. Две ступеньки вели в глубь помещения. В результате обнаружения некоторых артефактов, в частности сохранившихся у входа больших обломков каменных плит и вымостки из булыжников, автор раскопок Г. Хауптман предположил, что входом в постройку с внешней стороны здания служил укрепленный двумя вертикально стоящими плитами открытый вестибюль³¹.

Пол помещения был сделан с особой тщательностью из точно подогнанных друг к другу известняковых плиток, которые составили сверкающую серо-белую мозаику. Стены и скамейки внутри сооружения покрыты белой штукатуркой. В нескольких местах на штукатурке зафиксированы следы красного и черного цвета³².

В юго-восточной стене строения находилась специальная ниша шириной 1,85 м и глубиной 2,50 м, незаметная входящему. Г. Хауптман считает, что в ее дальней, самой сокровенной части находился постамент, основа которого состояла из обнаруженных здесь частей скульптурных стел более старого сооружения.

Несколько фрагментов известняковой скульптуры, украшавшей предшествующее здание, найдены замурованными в скамье и стенах строения II. Кроме того, при обновлении здания был установлен прямоугольный подиум на каменной скамье восточного угла также с использованием двух древнейших столбов Т- и Г-образной формы. В подиуме найдена спрятанная скульптура³³.

Строение III, включавшее в свое основание остатки строения II, немного меньше своего предшественника. Оно занимало площадь 155 м^2 и в плане представляло прямоугольник со сторонами $12,10 \times 12,80$ м (рис. 3б). Старый пол и окружающая стена были реконструированы. Юго-восточная стена здания полностью перестроена, за счет чего сократилась ширина помещения. Как и в строении II, с трех сторон по контуру комнаты располагалась каменная скамья. Только теперь она в углах плавно закруглялась. Ширина скамьи – 1,30 м. В скамью вделано 12 стел с промежутком в 2,50 м. Одна из них, выломанная из своего места, была найдена лежащей на полу. Она Т-образной формы, капитель полностью сохранилась, срез – $0,44 \times 0,33$ м, общая высота стелы – 2,35 м. В плоском рельефе хорошо видны слегка согнутые руки, которые с узкой стороны изображены полосами с тщательно выполненными пятипалыми кистями. Подобный вид имели и остальные сохранившиеся лишь фрагментарно опоры³⁴ (рис. 4). Для этого уровня Хауптман снова указывает на большую долю вероятности существования вестибюля перед постройкой. Вход, по его мнению, оформлялся двумя вертикально стоящими плитами.

Ниша теперь располагалась в противоположной от входа стене. В центре помещения находились две крупные стелы, расстояние между которыми давало возможность видеть нишу входящему. От этих монолитных плит, когда-то вмурованных в пол,

³¹ Ibid. S. 50.

³² Ibid. S. 46; Hauptmann. The Urfa Region. P. 74.

³³ Ibid.

³⁴ Hauptmann. Ein Kultgebäude... S. 50.

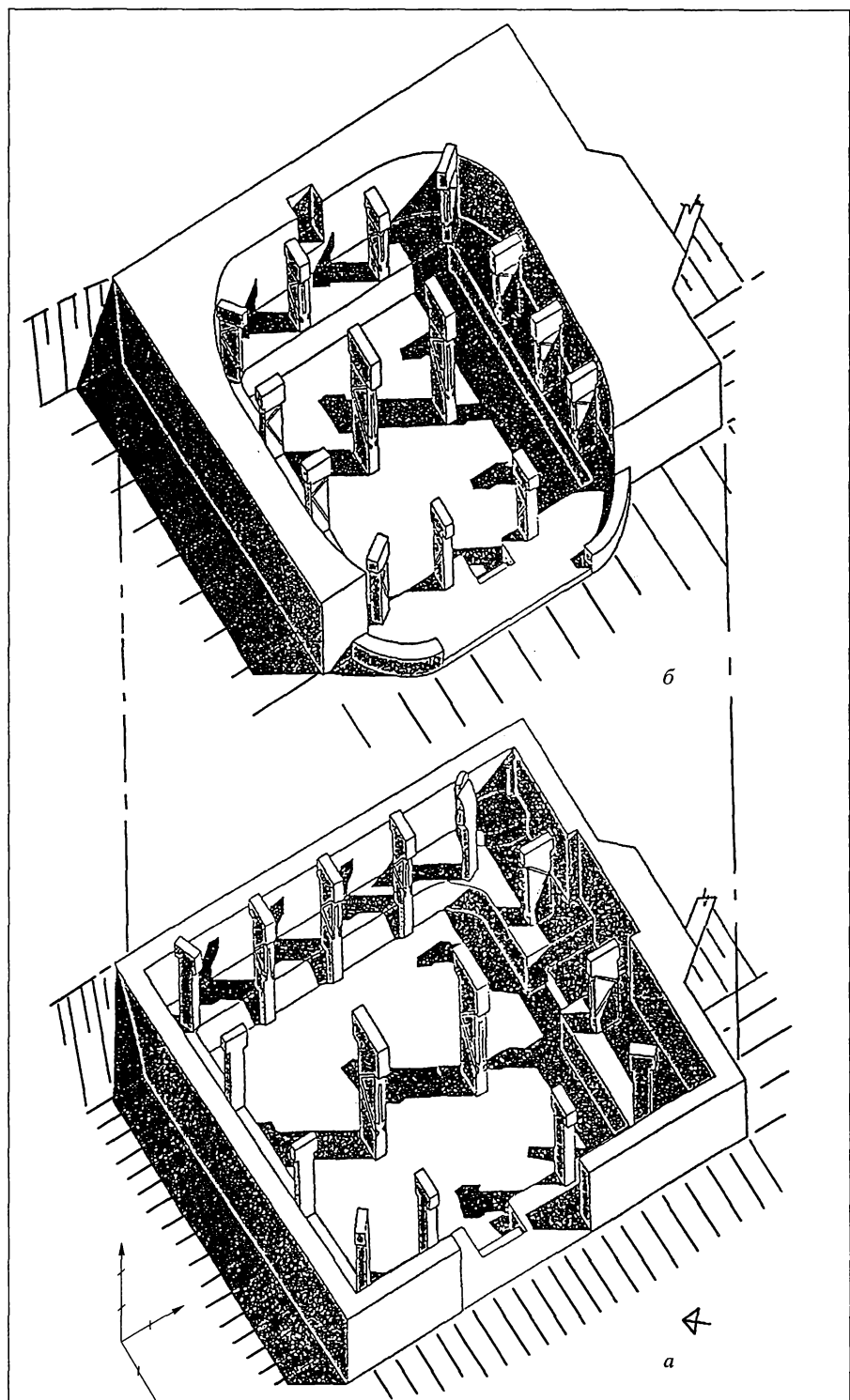

Рис. 3 а, б. Невали Чори. Реконструкция строения II и III (Ibid. Р. 43. Fig. 9)

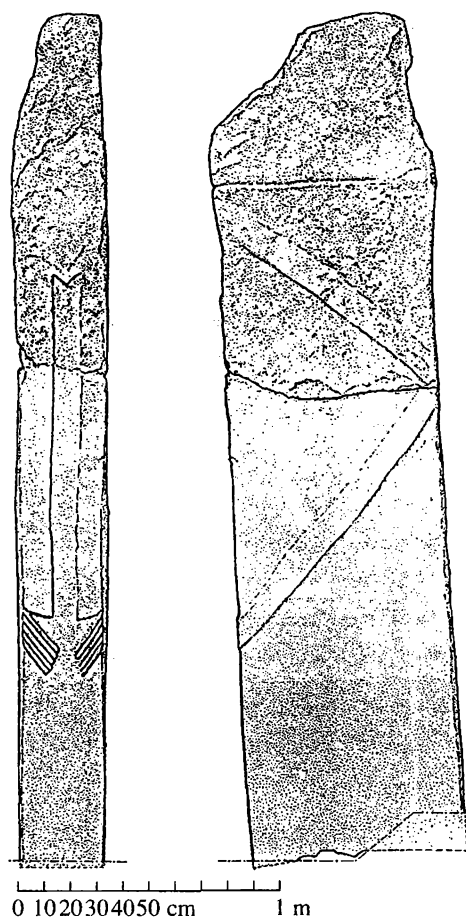

Рис. 4. Невали Чори. Фрагмент каменной антропоморфной стелы из строения III
(по: Hauptmann H. Ein Kultgebaude... P. 56. Add. 16)

in situ обнаружена только нижняя половина западной. Верхняя же ее часть найдена отдельно. Прямоугольный срез этой стелы – $0,80 \times 0,33$ м, первоначальная высота – 3 м. На плоском рельефе ее широких сторон снова узнаваемы очертания двух слегка согнутых рук, которые на передней стороне изображены полосами с пятипалыми кистями³⁵. Судя по всему, Т-образная капитель столба обозначала голову, а сама стела изображала фигуру человекоподобного существа в сильно стилизованном виде. Вторая плита была в древности извлечена из своего гнезда. В углублении от ее основания, ниже уровня пола обнаружена еще одна Т-образная капитель.

В строении III ниша располагалась на 50 см выше уровня скамейки. В основании скамейки под нишей была замурована большая известняковая голова высотой 37 см. Черты лица плохо сохранились. Однако на затылке отчетливо видна спускающаяся с макушки коса-змея. Отбитое горло говорит о возможности того, что голова являлась частью какой-то фигуры, которая изначально, вероятно, хранилась в строении II. Помимо этого в скамье под нишей обнаружена фигурка птичеловека высотой 23 см.

³⁵ Ibid. S. 51.

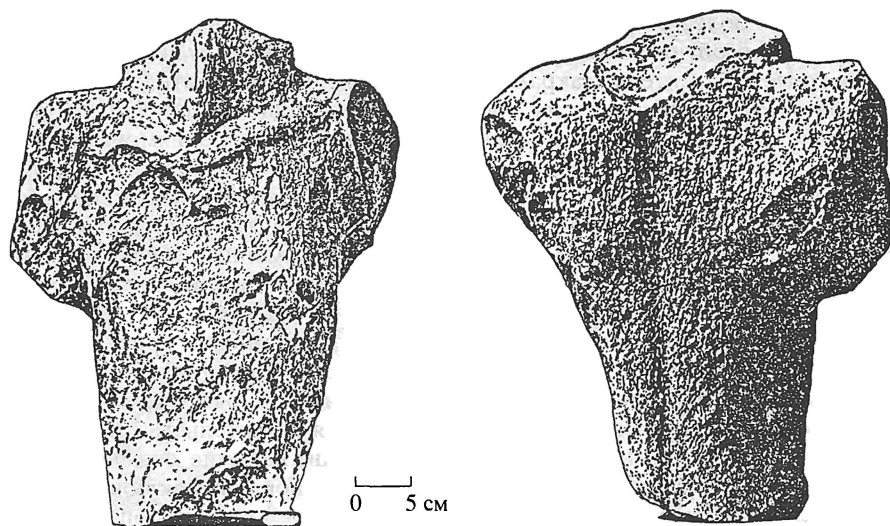

Рис. 5. Невали Чори. Фрагмент каменной скульптуры, изображающей человеческий торс (высота – 37 см). Найден перед нишей в строении III (Ibid. P. 62. Add. 22)

Сама ниша, находившаяся в стене напротив входа, на центральной оси помещения, выразительно оформленная с двух сторон симметричными монументальными рельефными стелами, безусловно, являлась главным архитектурно-смысловым элементом здания. Есть все основания полагать, что по замыслу создателей она предназначалась для хранения наиболее важного сакрального объекта. Г. Хауптман пишет, что его могла представлять скульптура из известняка, большой фрагмент которой был найден воткнутой перед нишей. Он изображал человеческий торс с частично сохранившейся головой и достигал в высоту 37 см³⁶ (рис. 5).

Крыша этого строения, по мнению исследователей Невали Чори, достигая в длину 8,60 м (максимально – 9,20 м), была плоской и делалась из дерева и тростника, скрепленных глиной³⁷.

При исследовании сооружений специального назначения в западной части поселка, помимо монументальных, вертикально установленных рельефных плит, обнаружено 11 скульптурных объектов, сохранившихся полностью и фрагментарно. Кроме того, на стенке одного из каменных сосудов выявлен рельеф, на котором представлены два человека, стоящие с поднятыми руками и расставленными ногами по бокам от черепахообразного существа. Найден также рисунок, вырезанный на известняковой пластине, изображающий трех быстро бегущих с широко открытыми ртами людей. Эти сцены исследователями интерпретируются как обрядовые. По мнению Г. Хауптмана, первая из них связана с символикой плодородия, вторая, вероятно, демонстрирует эпизод охоты³⁸.

Среди скульптурных объектов преобладают антропоморфные и зооморфные изображения, нередко смешанного типа. Многие фигуры крупных размеров. Наиболее часто встречаются изображения птиц, змей, черепах и человеческих голов³⁹. Все скульптуры, кроме одной, найдены в переотложенном состоянии, как правило,

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. S. 57.

³⁸ Hauptmann. The Urfa Region. P. 76. Fig. 16–17. Более полный обзор этой группы находок представлен в: Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 44–46.

³⁹ Hauptmann. Ein Kultgebaude... S. 55–67. Abb. 19–26; *idem*. The Urfa Region. P. 75–76. Fig. 10–15.

замурованными в более поздних строениях II и III⁴⁰. Такое вторичное их использование указывает на особую значимость этих объектов, которые, судя по всему, воспринимались в качестве носителей сакральной силы божеств-покровителей Невали Чори, гаранта присутствия последних на поселении. Перемещение скульптур из более древних общественных построек в последующие, по представлениям жителей поселка, очевидно, способствовало передаче священной энергии от одного здания другому.

Весьма наглядным является тот факт, что все найденные небольшие глиняные статуэтки Невали Чори (всего около 700, из них 670 – антропоморфные, 30 – зооморфные) были выполнены менее «качественно», чем каменные скульптуры, и обнаружены за пределами «сакрального» района. Их назначение связывают с участием в обрядах повседневной жизни на поселении⁴¹.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что по многим признакам общественные здания Невали Чори сопоставимы с постройками специального назначения Чейеню Тепеси. Их общими характеристиками являются: расположение в особом районе поселения, преимущество в выборе места для строительства, полуподземная конструкция и ширококомнатная планировка зданий, наличие скамьи, возможно, использовавшейся для размещения на ней вотивных приношений, включение архитектурных и скульптурных элементов древнейших построек в последующие, мозаичная или плиточная отделка полов, сохранность следов цветной штукатурки на внутренней поверхности стен построек, а также установление монолитных прямоугольных в срезе стел и скульптурных объектов внутри помещений. В древнейших уровнях «Здания с мозаичным полом» Чейеню и строения II Невали Чори сохранились следы канала и специально оформленного углубления в полу, назначение которых пока не совсем ясно.

И если Х. Чембел и Р. Брейвуд, исследуя Чейеню Тепеси, подчеркивали, что постройки особого вида имели необычное значение для жителей поселения, однако еще не считали возможным определять их как культовые или светские, то артефакты монументальных сооружений Невали Чори, по мнению Г. Хауптмана, уже дают полное основание для однозначного определения их культовых функций, о чем наиболее выразительно свидетельствуют фрагменты больших скульптур, а также наличие специальных ниш в строениях II и III⁴².

Раскопки Гебекли-тепе, предпринятые во второй половине 90-х годов XX в., продолжают историю поразительных открытий монументальных культовых сооружений периода раннего докерамического неолита Б в Северной Месопотамии. Поселение расположено в горах, на высоте 800 м над уровнем соседней долины Харран, в 15 км к северо-востоку от современного турецкого города Урфа. Тель достигает в диаметре 300 м, окружен плосковершинными известняковыми хребтами и с южной стороны имеет доступ к родникам. Широкомасштабные исследования памятника начаты в 1995 г. совместной немецко-турецкой археологической экспедицией⁴³.

Сезоны 1995–1996 гг. были посвящены изучению поверхности Гебекли-тепе и прилегающей территории. Уже первые находки дали исключительно богатый, в значительной степени неожиданный материал ранненеолитического времени. В частности, обнаружено множество обломков монументальных культовых объектов: фрагменты скульптур и части стел, наиболее крупные из них достигали 3-х – 6-ти метровой высоты. Самая огромная Т-образная 9-ти метровая стела весила более 50 т! Среди крупномасштабных скульптурных находок встречены фрагменты, изображающие: голову волкоподобного существа, голову человека, голову человека, на которой сидит животное, рептилию с зубастой пастью, расположившуюся на Т-образном навершии стелы, черепахоподобное существо, лежащее на обломке плиты, человека-фаллоса,

⁴⁰ *Idem.* The Urfa Region. P. 75.

⁴¹ *Ibid.* P. 77.

⁴² Брейвуд, Чембел. Ук. соч. С. 74; Hauptmann. Ein Kultgebaude... S. 57.

⁴³ Hauptmann. The Urfa Region. P. 78.

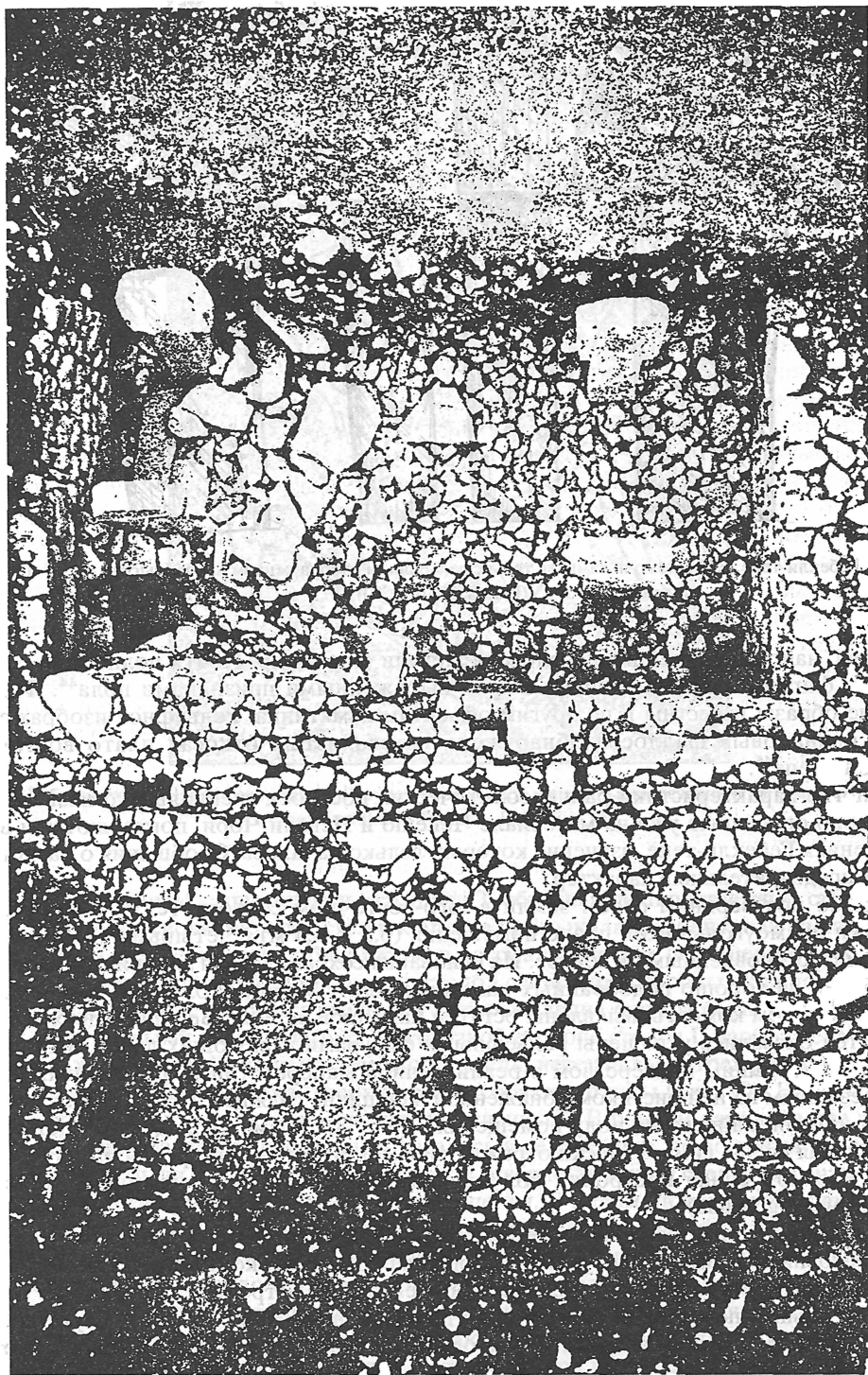

Рис. 6. Гебекли-тепе. Фотография раскопок «Здания со львами» (по: *Schmidt K.* Frühneolithische Tempel. Ein Forschungsbericht zum prakeramischen Neolithikum Obermesopotamiens // MDOG. 130. 1998. S. 31. Add. 8)

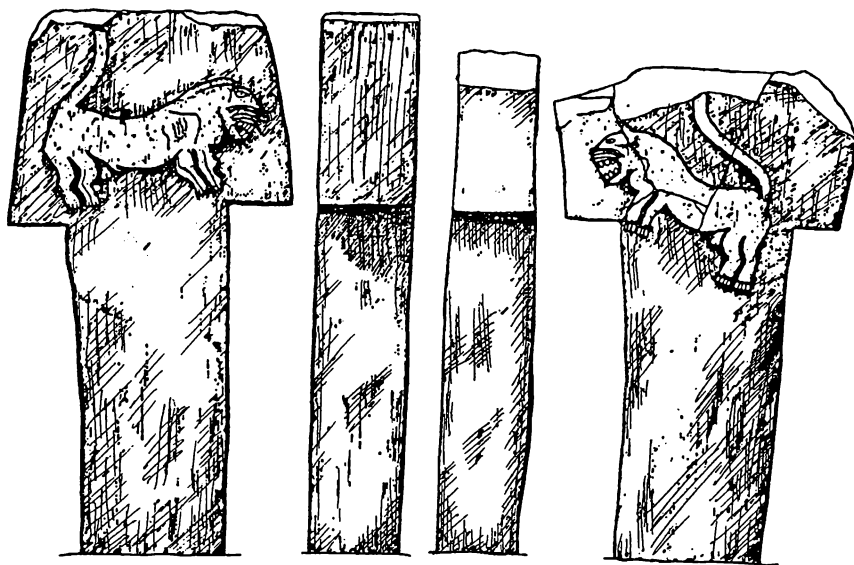

Рис. 7. Гебекли-тепе. «Здание со львами». Стелы с рельефным изображением львов (высота – 1,45 м)
(Ibid. S. 33. Add. 10)

фигуры, напоминающей птичеловека Невали Чори и пр. Почти полностью сохранились фигуры льва и мужчины с ярко выраженными признаками пола⁴⁴. Фаллические образы известны и по другим объектам памятника. Рельефное изображение трех одинаковых фаллосов обнаружено на скалистых откосах плато восточнее Гебекли-тепе⁴⁵.

Многие характеристики ранненеолитических построек специального назначения, подробно описанные уже на материале Чейеню и Невали Чори, повторяются и в сооружениях Гебекли-тепе, изучение которых только началось. Сообщения о раскопках носят предварительный характер.

Прямо под верхним слоем земли в юго-восточном секторе телля обнаружены остатки прямоугольного в плане помещения (6,5 × 4,4 м) с четырьмя Т-образными стелами, установленными в центре. Их основания сохранились *in situ* (рис. 6). Пол был составлен из хорошо подобранных каменных плит. Между столбом II и северо-восточным углом комнаты выявлены остатки каменной скамьи. Вершины двух восточных стел оказались украшены рельефными фигурами атакующих львов, выполненными с блестящим мастерством в реалистичной манере⁴⁶ (рис. 7). Каменная плита с вырезанным на ней рисунком обнаженной женщины, сидящей с широко расставленными ногами, найдена на полу помещения⁴⁷ (рис. 8). Возможно, здесь представлена ритуальная сцена, символически отражающая момент оплодотворения и/или инициацию. Рассмотренная постройка получила название «Здания с львиным стелами» (Lowenpfeilergebaude).

В районе низины, располагавшейся к югу от вершины холма, выявлены остатки двух основных строительных уровней неординарного многокомнатного здания, размеры которого не уточняются. Верхнее (более позднее) строение состояло из шести прямоугольных помещений с мозаичным полом. В некоторых из них присутствовали пары столбов. Северо-западная стена одной из комнат включала апсиду в форме

⁴⁴ Schmidt. Op. cit. S. 29. Add. 7; Hauptmann. The Urfa Region. P. 80. Fig. 13. 26, 33.

⁴⁵ Schmidt. Op. cit. S. 29. Abb. 7.

⁴⁶ Hauptmann. The Urfa Region. P. 77. Fig. 24; Schmidt. Op. cit. S. 32. Add. 9–10.

⁴⁷ Hauptmann. The Urfa Region. P. 80. Fig. 35.

Рис. 8. Гебекли-тепе. «Здание со львами». Рисунок обнаженной женщины, вырезанный на каменной плите (по: Neolithic in Turkey... P. 55 Fig. 35)

полукруга, которую с двух сторон украшали Т-образные величественные стелы (высота 3,15 м). К основанию этих стел и к апсиде примыкала выполненная из каменных плит скамья. Пять стел уже обнаружено в рассматриваемом помещении, три из них имели рельефные рисунки. В частности, столб I с широкой стороны украшен «гобеленом» в виде переплетающихся змей, под которым видна фигура барана; с узкой стороны – единичными змейками (рис. 9). На узкой стороне столба II изображена голова рогатого животного. Широкая поверхность стелы несет рельеф трех расположенных друг над другом фигур: быка (сверху), волка/собаки и птицы (рис. 10). На столбе III, еще до конца не изъятom, нанесен рисунок лисицы⁴⁸. В раннем варианте две стелы, примыкавшие позднее к апсиде, располагались в центре зала, но во время перестройки здания они были включены в состав новой северно-западной стены, которая, таким образом, заметно уменьшила размеры помещения. В целом нижнее строение превосходило по площади и, очевидно, по сложности планировки позднейшее⁴⁹.

Исследования окрестностей Гебекли-тепе показали, что окружающее памятник скалистое плато служило не только районом, поставляющим материал для строительства, но и местом расположения специальных сооружений. Так, в скалах с юго-западной стороны от телля обнаружены остатки круглого в плане строения, пол которого был тщательно отполирован. К стене внутри помещения по всему диаметру примыкала низкая скамейка, в центре находились два подиума с отверстиями для

⁴⁸ Ibid. P. 77. Fig. 22, 30, 34. Schmidt. Op. cit. S. 32–42. Add. 11–17.

⁴⁹ Schmidt. Op. cit.

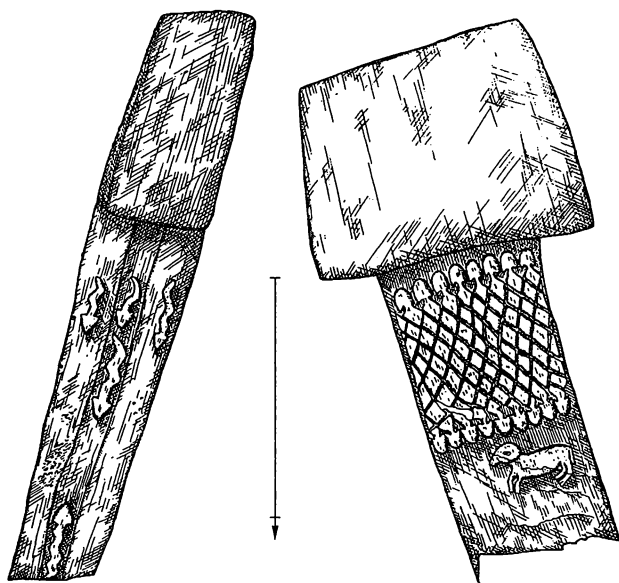

Рис. 9. Гебекли-тепе. «Здание со змеями». Столб I (высота 3,15 м) (по: Schmidt. Op. cit. S. 36, 37. Add. 13, 14)

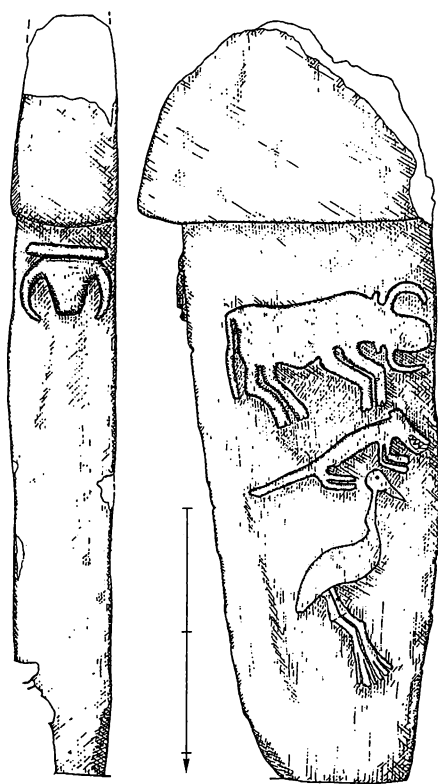

Рис. 10. Гебекли-тепе. «Здание со змеями». Столб II (высота 3,15 м) (Ibid. S. 38. Add. 15)

стел⁵⁰. Автор раскопок К. Шмидт отмечает, что размеры и элементы оформления данной постройки вполне соотносимы с характеристиками культовых зданий Невали Чори. Это обстоятельство дает основание предполагать похожие функции сооружений⁵¹. С северо-западной стороны от круглопланового строения были исследованы два примыкающих к нему цистернообразных овальных помещения, вырубленных на глубину 2 м в скалистой породе. В одно из них ведет пятиступенчатая лестница, в другом найдена большая обработанная каменная глыба, которая, по свидетельству исследователей, производит впечатление алтаря⁵². Рассмотренные находки в целом составляли единый архитектурный комплекс и, судя по всему, служили местом для проведения особых церемоний вне поселения.

Открытие в скалах в районе Гебекли-тепе особых сооружений и рельефов представляет новую яркую страницу в истории изучения культового строительства периода PPNB. Вместе с тем материалы этого памятника дают основания и для некоторых предварительных заключений относительно особенностей архитектурного и скульптурного оформления сакрального пространства на самом поселении. Во-первых, раскопанные на Гебекли-тепе неординарные постройки, в отличие от большинства известных по другим докерамическим памятникам, оказались многокомнатными. Далее, огромная высота отдельных обнаруженных здесь стел и их обломков указывает на то, что, очевидно, не все из этих объектов находились в закрытых помещениях. И наконец, в отличие от Чейеню и Невали Чори, где преобладают антропоморфные изображения, на Гебекли-тепе, помимо них, выявлено большое разнообразие зооморфных символов и фигур.

Авторы раскопок сообщают, что многочисленные выдающиеся впадины на поверхности телля, судя по всему, отмечают важнейшие зоны поселения, так как исследованные в таких районах здания располагались на территории, представлявшей табу для любой другой строительной деятельности. Отчасти для проверки этого предположения в районе северо-восточной низины холма был заложен разведочный шурф. Результаты оказались весьма впечатляющими. На четырехметровой глубине археологи достигли скалистой поверхности, которая была специально выровнена и покрыта каменными плитами, заключавшими в себе основания больших стел. Причем в предшествовавшем верхнем слое зондажа отсутствовали какие-либо свидетельства строительства. В целом, по мнению К. Шмидта, остатки величественных общественных сооружений, обнаруженные на Гебекли-тепе и в прилегающих скалах, а также большое количество сопутствующих им монументальных художественно оформленных находок, потребовавших для своего исполнения значительных затрат и усилия многих людей, вероятно, указывают на особый статус рассматриваемого поселения среди окружающих⁵³.

Отметим, что жилые постройки на самом памятнике и культурные слои периода PPNB соседних теллей пока не исследованы. Таким образом, правильность гипотезы К. Шмидта предстоит проверять в будущем. Вместе с тем, при изучении уже известных материалов действительно поражает широта объема работ, предпринятых без использования силы тягловых животных людьми докерамического времени для создания объектов, не имеющих «практического назначения».

Весьма разнообразен необычный мир скульптур и рельефных рисунков Гебекли-тепе, но и он отчасти повторяет, отчасти дополняет картину, известную по данным Невали Чори и Чейеню. Среди наиболее популярных изображений, а следовательно, и объектов поклонения, встреченных на этих памятниках, фигуры антропоморфных существ и существ смешанного типа, женские и мужские фигуры и символы, человеческие головы, букрании, образы птиц, змей и черепашек. Все названные мотивы характерны для памятников PPNB вообще, однако для области Урфа – Диярбакыр

⁵⁰ Hauptmann. The Urfa Region. P. 79.

⁵¹ Schmidt. Op. cit. S. 44.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid. S. 44–45.

можно отметить их концентрированную локализацию в специальных постройках, определенное стилистическое и смысловое единообразие, схожесть в приемах и технике исполнения.

К особой группе находок, обнаруженных в культовых зданиях рассматриваемых поселений Северной Месопотамии, следует отнести прямоугольные в срезе, вертикально установленные каменные плиты. По аналогии с европейскими менгирами и мессебами семитов К. Шмидт считает правильным рассматривать их в качестве вместилищ божеств или тотемных духов⁵⁴. Стилизованно оформленные столбы Невали Чори явственно представляют собой монолитные фигуры антропоморфных существ, выполненные в полный рост, в то время как плиты Чейеню и Гебекли-тепе более условно отображали присутствие божеств в помещении. При этом определенную смысловую нагрузку, несомненно, несли рельефные зооморфные изображения на верхней части стел Гебекли-тепе, а также раскраска и другие признаки моделирования данных объектов, зафиксированные на Чейеню. Напомним, что для Невали Чори и Гебекли-тепе характерны Т-образные навершия стел, что само по себе символизирует главу/голову, т.е. одухотворяет каменную глыбу.

Интерпретация вертикально установленных плит, являвшихся центральными объектами в неординарных общественных сооружениях докерамического неолита, вероятно, станет более доступной при расширенном понимании значения самих зданий. Некоторые исследователи готовы уже сейчас рассматривать их в качестве «настоящих храмов» (К. Шмидт, Н. Базгелен⁵⁵), другие категорически с этим не согласны (Ж.-Д. Форест⁵⁶, В. Ширмер), третьи же полагают, что преждевременные заключения могут оказаться ошибочными, соответственно следует ждать новых открытий (Е.В. Антонова, Б.А. Литвинский⁵⁷). На наш взгляд, сама постановка вопроса о возможности существования храмов в эпоху PPNB не вполне уместна. В ней проявляются попытки исследователей модернизировать, приблизить к современному терминологическому аппарату реалии далекого прошлого. Даже в намного более поздних по отношению к периоду PPNB, первых на территории Месопотамии письменных цивилизациях – шумерской и аккадской – не существовало специального термина равнозначного современному понятию «храм». Слова е (шум.) и bitum (акк.), обозначавшие прежде всего «дом», использовались и для определения культовых зданий Двуречья. При изучении письменных источников, отмечают специалисты, только контекст повествования позволяет сделать различие между двумя возможными значениями: дом – жилище человека, дом – обиталище божества⁵⁸.

Подобное определение культовых построек, учитывая особенности мифологического мышления («метафорическое» сопоставление природных и культурных объектов, диффузность, слабое развитие абстрактных понятий, медлительность разработки таких понятий и выражающих их слов), очевидно, имеет свое начало в более ранних культурах и, судя по археологическим данным, соответствует толкованию некоторых общественных зданий эпохи PPNB. Восприятие таких построек как «домов божеств» их создателями, на наш взгляд, вполне соотносится с рассмотренными материалами Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли-тепе. Величественные стелы и большие скульптуры, обнаруженные на названных памятниках в пределах остатков особых сооружений, очевидно, должны были наглядно демонстрировать присутствие в помещении «хозяев» – богов-покровителей общины.

Представляется, что некоторые отличия в строительстве и оформлении культовых зданий на Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли-тепе были связаны с естественным проявлением местной специфики как в сакральной, так и в архитектурной сферах.

⁵⁴ Ibid. S. 41.

⁵⁵ Ibid. S. 17–49; *Basgelen N. Foreword // Neolithic in Turkey*. Istanbul, 1999. P. 8

⁵⁶ *Forest J.-D. Les premiers temples de Mésopotamie (BAR International Series 765)*. 1999. P. 2.

⁵⁷ Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 47.

⁵⁸ *Tunca O. L'architecture religieuse protodynastique en Mésopotamie // OIP*. Leuven, 1984. P. XI; *Якобсен Т. Сокровища тьмы: История месопотамской религии*. М., 1995. С. 27.

Однако в целом артефакты Гебекли-тепе, несомненно, продолжают иллюстрировать уже известный по Чейеню Тепеси и Невали Чори способ возведения монументальных культовых сооружений. К нему относятся такие характеристики, как:

- расположение неординарных зданий в отдельных районах на специально подготовленных участках;
- особая планировка строений;
- включение остатков древнейших сооружений в последующие;
- трудоемкое плиточное покрытие пола;
- каменная скамья, окаймляющая пространство со стенами;
- наличие самих стел и других художественно оформленных объектов в помещении;
- присутствие ниш и/или «подиумов»/«алтарей».

Представленную ситуацию нельзя объяснить только лишь похожими условиями существования Чейеню Тепеси, Невали Чори и Гебекли-тепе в период PPNB. В данном случае проявились как общая для ранненеолитических культур тенденция к усложнению социальной структуры коллективов, связанная с крупнейшими изменениями в материальной и духовной сфере, так и один из важнейших аспектов установления постоянных связей между поселками Северной Месопотамии в докерамическую эпоху. Определено, что в то время они функционировали на разных экономических основах в густонаселенном районе Южного Тавра⁵⁹.

Взаимодействие и взаимовлияние жителей различных поселений докерамического периода в рамках указанного региона обусловило существование определенной культурной общности с выделением местных центров, которые, как выявляется, играли ведущую роль не только в производстве и обмене различными товарами, но и в сфере идеологических представлений.

На сегодняшний день археологи далеки от понимания неолитического периода на Ближнем Востоке как времени функционирования простых деревень, борющихся за свое выживание, о которых писал когда-то В.Г. Чайлд⁶⁰. Напротив, на основе полученных за последние десятилетия данных сейчас широко обсуждаются особенности существования стратифицированного общества, развитой системы обмена на обширных территориях, социально-экономических институтов учета и контроля, монументальной архитектуры и весьма сложной картины верований даже для ранненеолитической эпохи⁶¹. Материалы рассмотренных памятников проявляют некоторые из этих вопросов.

Кроме того, последовательные открытия общественных зданий религиозного назначения, построенных с учетом определенных архитектурных канонов на поселениях Северной Месопотамии периода PPNB, подтверждают гипотезу о том, что возведение величественных храмовых комплексов в городах-государствах Шумера и Аккада имеет глубокую предысторию в дописьменных культурах Ближнего Востока, в частности, Двуречья. Четкое выделение сакральных участков из поселенческого контекста, преемственность в выборе места для культовых строений, включение элементов предыдущих зданий в последующие, специфичное оформление их внутреннего пространства (наличие скульптур и рельефов, стел или колонн, ниш, «подиумов», «алтарей»), отмеченное для рассмотренной группы построек периода PPNB, присутствует и в культовой архитектуре древнейших городов «письменной» Месопотамии, оформившейся несколькими тысячелетиями позже. В этом смысле мы поддерживаем заключение ряда исследователей о том, что в «особых» постройках эпохи PPNB с чертами монументальности надо видеть исходный этап развития культовых сооружений Ближнего Востока⁶².

Т.В. Корниенко

⁵⁹ Hauptmann. The Urfa Region. P. 81.

⁶⁰ Childe G. Man Makes Himself. N.Y., 1951. P. 83.

⁶¹ См., например: Neolithic in Turkey. Istanbul, 1999.

⁶² Hauptmann. Ein Kultgebäude... S. 68; Антонова, Литвинский. Ук. соч. С. 47 и др.

Recent discoveries of monumental public buildings for special purposes and of outstanding sculptural figures of the pre-ceramic Neolithic B age in the settlements of Cheyenu Tepesi, Nevali Chori and Gebekli Tepe in Northern Mesopotamia (in modern-day South-East Turkey) have created a genuine sensation among scholars studying this early period of the formation of Near Eastern civilization. Comparative analysis of materials obtained from these finds through archaeological methods have to some degree allowed the discernment of general and local characteristics in the construction of public buildings serving special purposes in the pre-ceramic epoch in the north of Mesopotamia.

There are some visible differences in the construction and design of socially significant buildings in Cheyenu Tepesi, Nevali Chori and Gebekli Tepe, obviously connected to the natural appearance of local features in both the sacral and architectural spheres. On the whole, however, the artifacts of the given settlements present a similar picture of the erection of monumental religious buildings. The article distinguishes concrete and highly essential characteristics with regard to the raising of the given buildings, many of which, in the author's opinion, represented «homes» for tutelary deities of the corresponding early agricultural communities.

The interaction and mutual influence taking place between the inhabitants of these various pre-ceramic period settlements, all located within the ecologically and geographically unified zone of Urfa-Diyarbakir, gave rise to a definite cultural community with separate local centres. As is being revealed, these latter played a leading role in not only the production and exchange of various goods, but in the sphere of ideological concepts as well.

The successive discovery of public buildings of a religious nature, created in accordance with specific architectural canons in the area of Northern Mesopotamia during the PPNB period, corroborates the hypothesis that the erection of great temple complexes in the city-states of Sumer and Akkad has an extensive prehistory in the protoliterate cultures of the Near East and, particularly, in those of Mesopotamia.

© 2002 г.

МИКСАМОРФНЫЕ СУЩЕСТВА В ШУМЕРСКОЙ ГЛИПТИКЕ: ОПЫТ СЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Изображениям животных и сценам «защиты стада от хищников» в месопотамской глиптике посвящена обширная литература¹. Уже в эпоху Урук был сформирован образный репертуар хищников и травоядных, ставший иконографической основой многочисленных сцен охоты, терзания животных, защиты стад в глиптике эпохи Джемдет-Наср и начала Раннединастического периода. Во второй четверти III тыс. до н.э. на печатях «образно-линейного» стиля подобные сюжеты стали основным объектом изображения. Однако сцены «защиты стада от хищников» приобрели более условный и менее динамичный характер и вылились в схему, получившую название «фриз сражающихся». Достаточно разнообразный репертуар зооморфных, растительных и геометрических мотивов оказался сведенным к нескольким персонажам, присутствующим в том или ином сочетании почти во всех композициях и выполняющим строго определенную функцию.

Одним из участвующих в сражении антагонистов всегда является лев или другой кошачий хищник, нападающий на копытных – быка или козла (рис. 1–3, 5–6). Защитником последних, т.е. противником льва, должен был бы оказаться человек; однако он изображается в этих сценах далеко не всегда и никогда не борется с врагом без посторонней помощи, а основная тяжесть битвы возлагается на мифические миксаморфные существа, которые и выступают как противники хищников².

¹ См. *Афанасьева В.К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979. Библиография; *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. С. 174 – библиография.

² См. *Frankfort H.* Stratified Cylinder Seals from the Dijala Region // OIP. 1955. 72. P. 46.